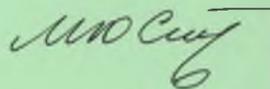

Российская Академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

На правах рукописи

СТЕПИНА
Мария Юрьевна

Н. А. НЕКРАСОВ В РУССКОЙ КРИТИКЕ
1838—1848 гг.

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург – 2013

Работа выполнена в Отделе новой русской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ — Доктор филологических наук
Борис Владимирович Мельгунов

Доктор филологических наук
Ростислав Юрьевич Данилевский

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: Доктор филологических наук, профессор
Вершинина Наталья Леонидовна
Псковский государственный педагогический
университет им. С. М. Кирова)

Доктор филологических наук, профессор
Табориская Евгения Михайловна
(Санкт-Петербургский государственный
университет технологии и дизайна)

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — Костромской государственной педагогический
университет им. Н. А. Некрасова

Защита состоится 20 января в 14 часов на заседании
Специализированного совета Д.002.208.01 по присуждению ученой степени
кандидата филологических наук в Институте русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь Специализированного совета
Кандидат филологических наук

С.А. Семячко

Общая характеристика работы. Работа посвящена историко-литературной проблеме прижизненного критического восприятия одного из крупнейших отечественных поэтов.

Актуальность исследования и степень разработанности проблемы. До настоящего времени специальной работы, посвященной обзору и тем более анализу критического восприятия Некрасова, имевшего у современников репутацию «первого поэта», не существовало. Нет и сколько-нибудь полного комментированного издания «Н. А. Некрасов в прижизненной критике», аналогичного изданию «А. С. Пушкин в прижизненной критике». Литературоведческие статьи на эту тему составляют разрозненную картину. Существенные работы, посвященные Некрасову-критику и его месту в русской критике, справочная литература и биографии поэта содержат частные обращения к репликам оппонентов Некрасова в отдельных полемиках. В целом литературоведение не располагает систематизированным описанием наиболее существенных и характерных особенностей восприятия Некрасова прижизненной литературной критикой, в частности — критикой названного периода.

Хронологические рамки исследования — 1838—1848 г. Это время дебюта Некрасова, его становления как творческой индивидуальности и как журналиста. В 1849—1850 гг. он почти не пишет стихов, а далее начинается другой период творчества, обусловленный другой общественно-политической обстановкой, изменениями в личном окружении и обращением к крупным жанровым формам (поэмам, поэтическим циклам, поэтическому сборнику «Стихотворения Н. Некрасова» 1856 г., принесшего ему славу «первого поэта»). 1848 год — время смерти В. Г. Белинского, который был центральной фигурой в творческой биографии Некрасова этого периода.

Цель исследования — определение специфики синхронного восприятия критикой 1840-х гг. творчества Некрасова в период его становления как поэта-новатора и как литератора в более широком смысле: прозаика, драматурга, критика, фельетониста, редактора, издателя.

Объектом исследования является та мера адекватности и полноты, в которой отразилось в прижизненной критике творчество Некрасова в период становления его индивидуальности. Такой анализ проясняет и значимость *оцениваемого автора*, и состоятельность *оценивающей критики*.

Предметом исследования выступает целый комплекс явлений.

1. Собственно поэтическое творчество Некрасова, как оно было воспринято, оценено и охарактеризовано русской критикой. Условно говоря, это оценка «Некрасов — поэт» («Некрасов — художник»).

2. Вообще творчество Некрасова, его прозаические и драматургические опыты. Условно говоря, это оценка «Некрасов — писатель» (не «поэт»), «Некрасов — беллетрист» («прозаик», но не «художник»).

3. Его деятельность издателя и редактора изданий, воспринимаемых как эстетические декларации. Условно говоря, это оценка «Некрасов — журналист» («литературный промышленник»). В этом случае его стихи в критике упоминаются как стихи «издателя сборника», но не стихи «поэта».

Таким образом, «поэт», «писатель», «художник», «беллетрист», «журналист» суть не только обозначения рода литературной деятельности и жанра произведения, но разные *литературные репутации*, которые в тот или иной период могут быть неравновеликими и могут быть в антагонистических отношениях одна к другой.

4. Творческая самобытность поэта в период становления индивидуального поэтического голоса и литературной репутации.

5. Его деятельность фельетониста и критика и роль в журнально-газетной полемике. Анализ некрасовских статей и фельетонов дает представление именно об их литературной составляющей: диапазоне приемов, стилистике, близости с художественными произведениями. Сопоставительный анализ текстов Некрасова с фельетонами и статьями его критиков позволяет судить о литературных достоинствах современных ему критиков: широте и силе их аргументации, исторической правоте, литературной форме, задачах и мотивации публичного выступления. В частности, предметом исследования оказывается специфика фельетонной критики.

Подоплекой критического суждения могут быть мотивы личного, коммерческого или политического характера. Поэтому:

6. При анализе литературной полемики автор диссертационного сочинения прибегает к гипотетической реконструкции ранее не проясненных этапов личных и творческих отношений Некрасова и его критика, которые иногда осложнены предысторией личных и творческих отношений критика и его оппонента, не сошедшихся во мнении о Некрасове или по поводу Некрасова.

Методологические основания. В своем исследовании автор пользуется традиционным историко-литературным методом. Прижизненное критическое восприятие Некрасова понимается как некий проблемный узел, требующий подхода с нескольких сторон: фактографической, биографической, культурологической, анализа и интерпретации художественного текста.

В качестве **эмпирического материала** в первую очередь избраны печатные суждения о Некрасове. Полнота обзора всех выявленных критических суждений о Некрасове избранного периода в данной работе не представляется необходимой. Приоритет отдан не регистрации односторонних оценок (критик судит о поэте) и не их полюсам (критик «хвалит» или «ругает»), а объемному видению историко-литературной ситуации, в которой произносится характерная оценка, ее динамике, мере ее полноты, объективности и усвоения последующими критиками (что формирует стереотип восприятия). Контекст критического высказывания уточняется посредством привлечения личных документов (дневников, воспоминаний, эпистолярики), художественных и художественно-публицистических произведений самого Некрасова и его современников. Таким образом, в диссертационном сочинении использована дополненная другим материалом выборка печатных критических высказываний о Некрасове, сгруппированных в несколько «сюжетных линий».

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, шести глав, заключения и списка литературы. Структура глав подчинена либо одной проблеме (гл. 1, 6), либо истории восприятия Некрасова одним критиком (гл. 2, 3, 5). Внутри главы по возможности выдерживается хронологический принцип, частные отступления от которого оговариваются.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Вся разнообразная литературная деятельность Некрасова (поэта, прозаика, драматурга, критика, редактора, издателя) в период становления его поэтического голоса была воспринята современной критикой.

2. Литературные опыты Некрасова 1840-х гг. для критики были затенены его репутацией издателя и журналиста. Репутации журналиста и поэта (издателя и поэта), во-первых, были неравновелики и, во-вторых, находились в антагонистических отношениях между собой.

3. Внимание известных критиков к Некрасову-дебютанту было весьма пристальным, но их критика оказалась малопродуктивной для будущего поэта-новатора, следующего принципу «каждый должен вырабатываться сам».

4. На оценку творческого потенциала Некрасова накладывалась оценка его активности в общественно-политической полемике и его положения ученика или сотрудника при старшем и более именитом литераторе.

5. В период личного знакомства с Некрасовым устная оценка Белинского, усвоенная его ближайшим кругом, существенно отличалась от его печатной оценки художественных достоинств и характера таланта Некрасова.

6. Декларация Белинского об актуальности «обыкновенных талантов» и печатная похвала, высказанная Некрасову в этом контексте, фактически представила публике Некрасова как эталон «дельной» «посредственности». Его пропаганда направления «меняла минус на плюс» в оценке «посредственности», но разводила в стороны признание таланта автора стихов — и отнесение его стихов к поэзии.

7. Критические отзывы Булгарина имели целью дезориентировать читателя в логике литературного процесса и навязать готовые снижающие оценки «натуральной школы» и персонально Некрасова. Но тенденция к «снижению» указывает на негласное признание масштаба молодого литератора, а манипуляция неустоявшимися терминами и понятиями косвенно способствовала осмыслению процесса, в котором Некрасов играл видную роль.

Научная новизна.

1. Впервые поставлена проблема прижизненного критического восприятия Н. А. Некрасова и предпринята попытка ее аналитического освещения.

2. Автор диссертационного сочинения отступает от традиции обзора и описания и предлагает метод сопоставительного анализа (критикуемого текста Некрасова и синхронного критического суждения о нем), который позволяет судить о состоятельности и оцениваемого текста, и оценивающей критике в динамическом процессе.

3. При анализе выявлен фактор *литературной репутации* Некрасова, влияющей на восприятие его как поэта, и впервые прослежены этапы формирования его репутации.

4. В ходе исследования уточнены даты событий, дополнены и пересмотрены подробности личных и творческих взаимоотношений Некрасова с его критиками, введены в научный оборот критические суждения о Некрасове, предложена атетеза и атрибуция ряда рецен-

зий, посвященных Некрасову, проанализирован индивидуальный критический метод Ф. В. Булгарина.

Теоретическая значимость. В работе представлен анализ жанровых форм памфлета, фельетонной критики, художественных и художественно-публицистических произведений как разновидности критики. Рассмотрен объем понятия нескольких слов и словосочетаний в стадии формирования их терминологического значения.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы для уточнений в справочной литературе, комментариев к сочинениям Некрасова и его критиков, комментариев к изданию прижизненной критики о нем, научной биографии поэта и его критиков, дальнейших исследований русской литературы и русской критики 1840-х гг. и лекционных курсов.

Апробация работы. Методологические, аналитические и фактические соображения отражены в ряде докладов и последующих их публикациях в форме тезисов, хроник и научных статей, как отвечающих непосредственно теме диссертационного сочинения, так и посвященных смежным аспектам исследования биографии, творчества и критического восприятия Некрасова, позволяющим скорректировать устоявшиеся представления.

Основное содержание работы. Во Введении излагается история вопроса, подводящая к постановке научной проблемы, и обоснование структуры диссертационного сочинения.

Некрасов вошел в литературу в 1838 г. как поэт, сразу же начал сотрудничать в различных изданиях как автор библиографических обзоров, фельетонов, критических статей; успешно заявил о себе — прозаике, водевилите, театральном обозревателе и критике, издатель и редакторе сборников, альманахов и затем двух крупнейших журналов эпохи: пушкинского «Современника», в 1846 г. взятого в аренду у П. А. Плетнева на паях с И. И. Панаевым, и после закрытия «Современника» в 1866 г. — «Отечественных записок», арендованных у А. А. Краевского и возглавляемых им до смерти в 1877 г. Биография поэта, о стихах которого с 1838 по 1877 г. постоянно высказывалась прижизненная критика, есть биография крупнейшего литератора, направлявшего своей деятельностью литературный процесс.

Поэтому органично соотносить творческую биографию поэта и его восприятие прижизненной критикой с литературными эпохами. В критических оценках современников Некрасов — поэт и личность — назван «человеком сороковых годов», а сама формула восходит

к названию некрасовского стихотворения («Человек сороковых годов» (1866—1867)). Методологически такая соотнесенность оправдывается еще и тем, что в литературоведческих трудах, общих и посвященных Некрасову, говорится о специфике «сороковых годов» и в частности петербургского периода деятельности Белинского, а эти научные труды, в свою очередь, сегодня нуждаются в переосмыслении.

Важность осмысления прижизненного критического восприятия Некрасова осознавалась еще современниками поэта. Первые замечания об интересе этого поэта для критики можно отметить задолго до выхода сборника «Стихотворения Н. Некрасова» 1856 г. Однако серьезные критические статьи, посвященные поэзии Некрасова, были написаны спустя время после его выхода. В них говорилось о незаслуженном невнимании критики к поэту. Оно объяснялось цензурными ограничениями и журнальной этикой: о поэте и редакторе могли бы писать либо «свои», либо «конкуренты». Это общее место, частично отвечающее объективному положению, не объясняет содержания и характера тех критических высказываний о Некрасове и по поводу Некрасова, которые появлялись в печати, были читаемы, замечаемы и учитываемы современниками и воспринимались ими как литературная критика.

После 1917 г. изучение творчества и биографии Некрасова принадлежало к магистральному направлению науки о литературе. Интерпретация его произведений и автобиографических высказываний указанного периода в значительной степени была задана идеологической концепцией времени: искусство рассматривалось как общественно значимый акт в народно-освободительном движении. Poleмический характер критических суждений о Некрасове и публичных выступлений Некрасова самоочевиден, так же как их идеологическая составляющая. Но эта интерпретация содержания также сужает представление о литературной критике в ее становлении. Несмотря на общественно-политический подтекст критических высказываний, они воспринимались широкой публикой как *литературная критика*, поскольку литератор писал о литераторе и литературном произведении. В читательское представление о литературной критике одновременно укладывались, например, эстетические рассуждения и брошенные вскользь намеки с переходом на личность, критические статьи Пушкина и П. А. Плетнева, печатавшиеся в пушкинском литературном журнале «Современник», фельетоны О. И. Сенковского — автора, издателя и редактора коммерческого издания «Библиотека для чтения», и фельетоны Ф. В. Булгарина — автора, издателя и редактора издания коммерческого и политического «Северная пчела».

Правомерен вопрос: насколько адекватно и полно критика и публицистические выступления отражали литературные достоинства произведений Некрасова, его уровень дарования, творческую индивидуальность и творческий рост? Поскольку на сегодняшний день наука о литературе дает связанное представление о творческой биографии Некрасова и его месте в литературном процессе, такая постановка вопроса позволяет одновременно проследить динамический процесс творческого роста Некрасова и формирования критического осмысления Некрасова его современниками.

Последнее плодотворно не только для дальнейшего изучения творческой биографии поэта и его рецепции. Некрасов был поэтом-новатором, выдающимся редактором и издателем, выступавшим с эстетическими декларациями «направления» (сборники и альманахи «натуральной школы», журналы демократической направленности), и критиком. С течением времени читающая публика во многом формировалась «на Некрасове». Постепенно происходила «обратная связь», когда сложившееся в критике и читательской массе представление о Некрасове программировало восприятие и самого Некрасова (его новых произведений), и современной литературы. А поскольку критика есть самосознание литературы, то анализ системы критических суждений о литераторе первой величины составляет необходимый этап в изучении развития русской критики как важной части литературного процесса.

Глава I «Оценка литературного дебюта» посвящена специфике критической оценки дебюта и дебютанта. Глава состоит из двух разделов («Оценка поэтического дебюта» и «“Педагогическая” критика» (сочетание не является терминологическим)).

В **разделе I** показано, что предшествующие выходу сборника «Мечты и звуки» печатные отзывы о Некрасове представляют его публике как *поэта*; его юность и статус дебютанта предстают как смысловые детали (§ 1). Анализ критических текстов, авторская принадлежность которых в комментариях в академическом Полном собрании сочинений осталась непроясненной, а также личных и творческих связей Некрасова с литературными кругами позволяет предположительно атрибутировать статью, опубликованную в «Северной пчеле» за подписью «Н. С.», Н. В. Савельеву-Ростиславичу (его же логично считать адресатом стихотворения Некрасова «Безнадежность», имеющего посвящение «Н. В. С.»). Подтверждается предположение Г. П. Верховского о принадлежности статьи в «Сыне отечества» Н. А. Полевому. Отводится предположение Г. П. Верховского о принадлежности Н. А. Полевому статьи в «Библиотеке для чтения». Последняя атрибутируется Ф. Н. Менцову. Таким

образом, к ряду критических высказываний Менцова о Некрасове прибавляется второй его отзыв о сборнике «Мечты и звуки», опубликованный в «Библиотеке для чтения» без подписи, и авторство всех выявленных на сегодняшний день рецензий на сборник установлено.

Анализ биографического материала позволяет также высказать предположение, что Ф. Н. Менцов мог послужить одним из прототипов учителя латыни, упоминаемого Некрасовым в автобиографических записях, и предположительно датировать вероятное время личных и творческих связей поэта с его первыми рецензентами (§ 2).

Предпринятый общий обзор критических отзывов о сборнике «Мечты и звуки» (§ 3) представляется отправной точкой в динамике персональных оценок Некрасова. Критики признают в Некрасове талант поэта и указывают достоинства его произведений: поэтическую технику, разнообразие, изобразительную силу, наличие мысли и чувства в его стихах, их связь с элегической традицией (Ф. Н. Менцов, Н. А. Полевой, Л. В. Брант, П. А. Плетнев, Н. В. Савельев-Ростиславич). Одновременно Некрасову отказывают в таланте, а его стихам — в поэтическом достоинстве (В. С. Межевич, В. Г. Белинский).

Анализ динамики творческих исканий Некрасова и синхронных критических высказываний о нем (§ 4) позволяет опровергнуть устоявшееся суждение, что именно критика сборника способствовала переориентации его творческого пути. Первый крупный поэтический опыт вызывает оценки, не то чтобы взаимоисключающие друг друга, но указывающие в равной мере на неопределенность поэтического лица автора сборника и на неопределенность критериев современной ему критики. Исключение представляет Белинский, который стал играть для Некрасова роль учителя не ранее 1842—1843 гг.

Уже на этом этапе очевидна «многослойность» творческой биографии Некрасова как научной проблемы и, следовательно, «многослойность» проблемы критического восприятия поэта современниками. На рубеже 1830—1840-х гг. Некрасов декларировал отказ от романтических стихов, писал романтические стихи и одновременно пародии на романтические произведения. Его собственный поэтический голос сформируется позже — во второй половине — конце 1840-х. Одновременно с поиском индивидуального поэтического стиля Некрасов позиционировал себя как «литературного промышленника», человека, зарабатывающего на хлеб литературным трудом. В культурной традиции, заданной двумя художественными декларациями: «Разговором книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкин (1824) и «Журналистом, читателем и писателем» М. Ю. Лермонтова, творческий поиск поэта и декларация, выстраи-

вающая литературную репутацию Некрасова, оказываются в антагонистических отношениях. *Журналист* может быть *автором стихов*; но значение слова «поэт» явно не исчерпывается семантикой «автора стихов» и, возможно, перечеркивается словом «журналист». Противопоставление *поэта* — *журналисту* и *литературному промышленнику* отвечает специфике восприятия современниками поэтического творчества Некрасова, вступившего в литературу в роли *поэта*, активно продолжившего свою деятельность в разных ипостасях, а впоследствии вновь заявившего о себе как о *поэте*.

Раздел 2 посвящен специфике критических отзывов, в которых прочитывается преимущественно «педагогическая» установка. Сопоставительный анализ критических отзывов о Некрасове и о других начинающих авторах показывает, что основная задача большей части первых рецензентов Некрасова заключалась в одобрении и назидании начинающему, молодому поэту (Ф. Н. Менцов, П. А. Плетнев, Л. В. Брант, Н. В. Савельев-Ростиславич). Дебютант с большой долей вероятности лично знаком критику. В ряде случаев знакомство и участие имеет документальное подтверждение (Н. А. Полевой, Ф. А. Кони, П. А. Плетнев); иногда оно опирается на предлагаемую автором гипотезу, которая, однако, не противоречит общей картине (Ф. Н. Менцов, Н. В. Савельев-Ростиславич). Литературная составляющая рецензии не содержит того багажа, который мог использовать Некрасов-поэт в середине 1840-х гг., когда его поэтические опыты носили более сознательный характер.

Особое значение имеют критические отзывы Ф. А. Кони, сыгравшего в судьбе поэта «учительную» роль.

Глава II «Ф. А. Кони: структура отношений и печатные оценки», состоящая из восьми параграфов, посвящена анализу творческих связей и взаимных оценок Кони и Некрасова и демонстрирует формирование позиции поэта по отношению к критике в свой адрес в силу специфики этой критики. Хронологические рамки главы ограничиваются временем литературного дебюта Некрасова в поэзии, а также, по совету Кони, в драматургии и прозе, и началом его журнальной деятельности у Кони, то есть 1839—1841 гг., вплоть до отъезда Некрасова в Ярославль и пребывания вне литературного Петербурга в течение нескольких месяцев.

История изучения вопроса (§ 1) позволяет выделить наиболее актуальные задачи исследования: уяснить, в какой мере критические суждения Кони могли быть полезны для начинающего писателя — и в какой мере они подчинялись журнальной политике и отвечали

статусным, финансовым и личным отношениям, вне соображений чисто литературных. Поскольку печатные отзывы Кони о Некрасове этого периода лаконичны и немногочисленны, а его роль в биографии молодого поэта очень значительна, для анализа привлекаются письма и художественно-публицистические произведения, содержащие свидетельства об устных оценках Кони.

В главе предположительно уточняется время знакомства Кони и Некрасова (§ 2). Предлагается анализ его оценки поэтической (§ 3), прозаической и драматургической (§ 4) деятельности Некрасова. Оценка стихов и водевилей Некрасова была доброжелательной, но сдержанной и не завышенной, вопреки свидетельствам, оставленным в памфлетах современников. Печатных отзывов Кони о прозе Некрасова этого периода не выявлено, но публикации прозы Некрасова в его изданиях свидетельствуют о признании редактором если не уровня, то потенциала, с тем уточнением, что речь идет о беллетристике как явлении низшего художественного порядка. Сдержанность оценки могла быть продиктована педагогическими соображениями.

Сопоставительный анализ автобиографической прозы Некрасова, «не-повести» И. И. Панаева «Литературная тля» и «философической сказки» В. Р. Зотова «Жизнь и люди» (§ 5) показывает, что в глазах Некрасова и близких знакомых критические высказывания Кони выглядят как составляющая отношений между работодателем и сотрудником (хвалит, поощряет), но не как эстетический разбор или эстетическая программа. Общая оценка способностей и деловых качеств Некрасова, высказанная Кони в письме к поэту и пересказанная Некрасовым в ответном письме, могла быть заниженной в силу специфики их отношений (§ 6), приведших к острому конфликту при участии В. С. Межевича (§ 7, 8).

Конфликт возник в связи с несанкционированной авторекламой Некрасова, прозвучавшей в его авторецензиях. Они были опубликованы в изданиях Кони в период его отсутствия, когда Некрасов взял на себя функции редактора. Межевич, ссылаясь на его авторецензию, в «Северной пчеле» представил Некрасова фактически хозяином изданий, обошедшим Кони.

Анализ конфликтной ситуации уточняет характер личных и литературных отношений Некрасова и В. С. Межевича (за которыми стоят сложные отношения Межевича и Кони) и дает основания атрибутировать Межевичу ряд критических отзывов о Некрасове. В главе уточняется дата раскрытия Межевичем псевдонима Некрасова. Анализ литературной поле-

мики показывает, что неодобрительные или иронически-комплиментарные отзывы Межевича о Некрасове в большой степени адресованы его работодателю Кони.

В целом исследование избранного периода отношений и критических оценок позволяет сделать вывод, что Кони видел в Некрасове богатый потенциал, но конкретные поэтические, прозаические и драматические опыты не представлялись ему примечательными творческими явлениями. Наиболее высокой была его оценка способностей Некрасова — критика, обозревателя, фельетониста и редактора: об этом косвенно свидетельствует двойственность положения Некрасова, который фактически обладал большими полномочиями, юридически же — малыми.

Глава III «В. Г. Белинский», состоящая из 3 разделов («Контекст упоминаний о Некрасове до личного знакомства», «Знакомство и сближение», «Признание поэта»), посвящена контекстуальному анализу ряда критических отзывов Белинского о Некрасове.

В **разделе 1** в качестве контекста рассматриваются личные и литературные отношения Белинского с кругом петербургских литераторов, в полемике с которыми о роли и методе современной литературной критики, о поэзии, прозе и беллетристике появляются первые упоминания о Некрасове. Пристальное внимание уделено полемике Белинского с Н. А. Полевым. Высказанные соображения о том, что Полевого правомерно считать одним из адресатов статьи Белинского «Менцель, критик Гёте» (§ 1), дополняет представления о начале этого значительного в истории литературы XIX в. эстетического и идеологического (§ 2) противостояния, которое совпало по времени с вхождением Некрасова в литературу и первыми критическими отзывами о нем и Белинского, и Полевого, и других свидетелей конфликта между старшими литераторами, которые принимали участие в дебютанте.

Анализ отзывов о Некрасове в контексте полемики (§ 3) иллюстрирует, что первые высказывания Белинского о Некрасове или по поводу Некрасова адресованы преимущественно тому, чьим протеже он является, т. е. Полевому. Сходным образом выглядят отзывы Белинского о Некрасове — сотруднике Ф. А. Кони (как впоследствии — отзывы других критиков о Некрасове в период его сближения с Белинским). Отзывы Белинского о творчестве Некрасова этого периода носят скорее одобрительный характер, несмотря на лаконизм. Однако Некрасов и в этих отзывах Белинского предстаёт как малозначительный автор, зато сотрудничающий в «правильном» издании.

В **разделе 2** предлагаются уточнения к датировке личного знакомства и сближения Некрасова и Белинского (§ 1), которое, возможно, состоялось не в начале 1843 г., как указывает «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова», а еще в 1842 г. По свидетельствам меуаристов реконструированы основные аспекты оценки Белинским творческого потенциала Некрасова в период первого знакомства (§ 2). Некрасов оценивается им как «полезный журнальный сотрудник»; возможно, эту оценку определило признание в Некрасове дара критика. Белинский видит в Некрасове талантливого беллетриста. В периоде от первого знакомства до признания поэта (в 1845 г., по прочтении стихотворения «В дороге») важны три аспекта оценки Белинским литературной деятельности Некрасова: проза; критический и критико-публицистический жанры; предпринимательский талант.

Оценка предпринимательского дара Некрасова (§ 3), не относящаяся к сфере литературной критики, имеет особое значение именно в этот период его творчества. Для кружка Белинского сам Белинский, его эстетический дар, литературный авторитет и человеческий потенциал — был миссией (в современном понимании — смыслом существования литературного сообщества, его специальной целью, видением своего предназначения). Некрасов был младшим и «учеником», а Белинский — старшим и «учителем». Однако в нескольких литературных предприятиях Некрасов был основным или одним из основных организаторов и авторов изданий, которые замышлялись как могущие принести пользу Белинскому: дать ему возможность опубликовать то, что необходимо донести до широкой аудитории, и доставить смертельно больному и находящемуся под наблюдением III Отделения критику средства к существованию. Интересы Белинского (профессиональные и финансовые) в этой ситуации были первостепенными для его друзей.

Поэтому в глазах Белинского и ближайшего окружения оценка способностей Некрасова была прямо пропорциональна успешности его предприятий, обеспечивающих интересы Белинского и пропагандируемые им идеи. Оценка же литературного дара Некрасова, хотя и привлекшего общее внимание, была второстепенна перед жизненными интересами Белинского.

Оценка критической деятельности Некрасова (§ 4) у Белинского очень высока: воспоминания и переписка сохранили сравнения критиком себя и Некрасова в пользу Некрасова. Однако анализ суждений Белинского о Некрасове, критических выступлений самого Некрасова и двусторонний анализ полемик с его участием показывают следующее:

Во-первых, в начале 1840-х гг. Белинскому становится всё ближе социально-общественная проблематика, публицистика и памфлет. Смягчается и его отношение к фельетонной критике, на рубеже 1830—1840-х гг. оцененной им как бессистемный свод частных мнений и произвольных суждений. Вследствие этого Белинский высоко оценивает памфлетные выступления Некрасова и хлесткость молодого критика, но не его кругозор, интуицию относительно авторов и литературных произведений, вкус, чутье, язык и т. д.

Во-вторых, в статьях столь разных авторов, как В. Н. Майков и Ф. В. Булгарин, встречаются суждения о Некрасове, сводящиеся к тому, что Некрасов — ближайший последователь, а то и подражатель Белинского, ассоциирующийся с «натуральной школой» и ее изданиями. Суждение о прямой подражательности Некрасова по отношению к Белинскому или о полном согласии с его идеями опровергается анализом его критических статей. Но в глазах самого Белинского и современных критиков единство и сходство Некрасова с Белинским было определяющим, более заметным и более весомым, нежели формирующиеся самостоятельная мысль и стиль Некрасова.

В-третьих, индивидуальная манера критика, его стиль и талант еще не обсуждаются критикой так, как обсуждается стиль и талант поэта или прозаика. Всестороннее осмысление критических текстов Некрасова в русле изучения литературного процесса — дело литературоведения XX столетия.

Таким образом, в оценке Белинского, ведущего критика эпохи (как, впрочем, и в оценках других критиков), самая яркая сторона литературной деятельности Некрасова этих лет рассматривается односторонне.

Оценка прозы Некрасова (§ 5) рассматривается в контексте деклараций «натуральной школы» и полемики вокруг нее. В рецензии на «Мечты и звуки» Белинский советует молодому поэту заняться прозой, поскольку малозначительный художественный талант даёт возможность реализовать себя в беллетристике, лишь популяризирующей великие художественные открытия. Белинский оценивает Некрасова как очеркиста (отмечает мысль, живость, наблюдательность и т. д.), но при этом ставит его ниже В. И. Даля, «истинного поэта» физиологического очерка. Некрасов-прозаик был для Белинского писателем определенного направления, группировки, но не индивидуальностью, приносящей новое художественное открытие, не «поэтом истинным».

В разделе 3 реконструируется и анализируется оценка Белинским Некрасова-поэта. Оценка поэзии Некрасова в контексте творчества «натуральной школы» (§ 1) показывает, что, устно уже признав в Некрасове «поэта истинного» и дав его стихам печатную хвалебную оценку, в критических статьях Белинский рассуждает о них как о «дельных» «статьях», отвечающих программе «натуральной школы», но не раскрывает читателю «поэта истинного» и «сущность его натуры», которую ему объяснял в личных беседах. Объяснение этому кроется частично в условиях журнальной этики и цензуры, частично — в роли издателя, которая поглощала время и силы Некрасова и была более востребованной в кружке Белинского.

Частичное объяснение неполной оценке Некрасова-поэта можно найти, проследив поэтическую преемственность Некрасова по отношению к М. Ю. Лермонтову (§ 2). В середине 1840-х гг. преемственность Некрасова по отношению к Лермонтову, пока проявившая себя преимущественно в подражаниях, перепевах, перелицовках и пародиях, была недостаточной, чтобы найти отражение в печатной оценке Белинского. Но анализ поэтики Некрасова на примере группы текстов, включающих формулу «любить и ненавидеть», указывает, что Некрасов воспринял у Лермонтова антитетичность и у Белинского — идею «отрицания», отразившую усвоенное Белинским понятие диалектики в философии Гегеля: переход одного определения в другое и заложенное в определении самоотрицания. В словах о «зататках отрицания», как представляется, необходимо видеть не наличие антитез, отражающих полярные явления и вызываемые ими чувства, но контекстуальные семантические отношения между антитезами. Они заметны уже в стихотворении начала 1848 г. «Поражена потерей невозвратной...», которое мог знать Белинский. Правомерно предполагать, что личные беседы (и, возможно, не дошедшие до нас поэтические тексты Некрасова или хотя бы их наброски) подтверждали в нем для Белинского те оцененные им «зататки отрицания», которые он считал перспективными для занятий поэзией.

Таким образом, к началу 1848 г., когда Белинский еще жив, поэтический голос Некрасова определился и обрел индивидуальность для критики. Но в печати эта оценка и характер поэтического дара Некрасова Белинским не высказаны, а высказаны в 1847 и 1848 гг. другими критиками — Ап. Григорьевым и предположительно В. Р. Зотовым, разделяющими его взгляды.

В главе IV «Н. А. Полевой», состоящей из двенадцати параграфов, представлена история личных и творческих отношений Некрасова и Полевого. Несмотря на большое количество исследований, посвященных Полевому (§ 1), в них не стала предметом анализа его оценка Некрасова, а литературная полемика рассматривалась преимущественно с точки зрения идеологического противостояния демократического и «охранительного» направлений.

В главе освещаются причинно-следственные связи развития личных и творческих взаимоотношений Некрасова и Полевого в привязке к историко-литературному контексту. Они дополняют сложившиеся представления о биографии и творчестве Некрасова в конце 1830 — первой половине 1840-х гг. и корпусе критических высказываний Полевого (§ 7), которые ранее не рассматривались как возможно принадлежащие ему.

Совокупность фактов позволяет реконструировать малоизученную историю знакомства Некрасова с Полевым (§ 2, 4, 5) и скорректировать представление о роли известного литератора на первом этапе творчества поэта (§ 3). Аргументируется предположение о связи между созданием стихотворения «Человек» (1838) и «драматической фантазии в стихах» «Юность Ломоносова» (1840) и ранних впечатлений Некрасова от творчества Полевого.

В главе предлагается сопоставительный анализ текстов Полевого и Некрасова. Анализ статей, фельетонов, поэтических и прозаических произведений Некрасова, в которых появляется образ Полевого (§ 6, 8, 10, 12), позволяет проследить рост молодого поэта в области аргументации, художественного мастерства и индивидуального стиля и дополняет сложившиеся представления о критической манере Некрасова, пародирующей «читательскую» критику и близкую к фельетонной и «писательской» критике (§ 6, 8, 10).

Критические же отзывы Полевого о Некрасове (§ 8, 9), включая образ поэта в неоконченном романе-памфлете «Счастье лучше богатырства» (написанном совместно с Ф. В. Булгаринным) (§ 11), тяготеют к прямой оценочности и касаются преимущественно литературной репутации Некрасова. В репутации акцентируется вторичность и подчиненное положение Некрасова по отношению к Ф. А. Кони и В. Г. Белинскому (§ 7, 8), отождествление Некрасова с «направлением» (§ 4, 9), намеренное снижение литературной известности Некрасова, его несамостоятельность.

Если частичная обоснованность оценки репутации Некрасова находит подтверждение в позднейших суждениях К. А. Полевого и оценке зрелым поэтом своей роли в конфликте с Полевым (§ 10, 12), то оценка разностороннего литературного дарования и мастерства моло-

ного поэта, фельетониста, критика, прозаика и водевилиста заслонена для Полевого субъективным восприятием личных качеств Некрасова, оценкой его репутации и историей личных и литературных отношений Полевого и Некрасова с Белинским.

Глава V «П. А. Плетнев» состоит из четырнадцати параграфов и посвящена анализу оценок и суждений о Некрасове, которые высказал П. А. Плетнев — поэт и критик пушкинского круга, редактор пушкинского журнала «Современник» вплоть до передачи его в руки Некрасова и И. И. Панаева. Имя Некрасова в литературной деятельности Плетнева после смерти Пушкина правомерно рассматривать как наиболее значимое: он стал преемником Плетнева в издании пушкинского журнала, и он стал поэтом, чье имя в позднейших оценках современников ставилось (в со- или противопоставлении) рядом с именем Пушкина. Поэтому хронологические рамки этой главы вынесены за пределы 1840-х гг. и охватывают все прижизненные суждения Плетнева о Некрасове. Анализ критических оценок Плетнева учитывает ориентацию критика на культуру литературного салона и на чуждую этой культуре динамику современного ему литературного процесса, в котором, помимо смены художественных ориентиров, возростала роль журналистики.

Одна из задач данной главы — проследить динамику восприятия Плетневым литературного процесса на примере отзывов о литераторе, вначале получившем заметное поощрение и помощь Плетнева (§ 2, 3), позднее персонально чуждом и неприятным (§ 13), но заслужившем его признание. Вторая задача — продемонстрировать характерные аргументы и приемы Плетнева-критика, при необходимости отражаемые в подзаголовках параграфов.

Это — скрытая полемика с Некрасовым-критиком в 1841—1842 гг. (§ 6). Сопоставительный анализ критических статей Некрасова и Плетнева показывает, что Плетнев рецензировал ряд книг, о которых ранее него написал Некрасов. Полемичность выражена не столько в оценке изданий (она может совпадать у обоих критиков), сколько в «негромком», подчеркнуто серьезном и сдержанном тоне высказывания Плетнева, противопоставленном фельетонной манере Некрасова, использующего приемы юмора и сатиры.

Другим характерным приемом Плетнева-критика является умолчание о явлении, которое он считает недостойным публичного обсуждения. Таким умолчанием сопровождается несколько произведений Некрасова, с большой долей вероятности прочитанных Плетневым: «Провинциальный подьячий в Петербурге» (§ 4), вторая часть стихотворного фельетона

«Статейки в стихах, без картинок») (§ 7), «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» (§ 8) — и издательский опыт: книжка «Дедушка Крылов» (§ 9).

В ряде случаев, вопреки декларируемому отказу от полемики, Плетнев-критик прямо полемичен по отношению к неприемлемым для него тенденциям текущего литературного процесса, в частности, к «рыночной литературе». Эта полемичность выразилась в его рецензиях на книжки Некрасова «Баба-Яга, Костяная нога» (§ 5), «Статейки в стихах, без картинок» (§ 7).

Критические статьи Плетнева, посвященные альманаху «Физиология Петербурга» (§ 10), «Петербургскому сборнику» (§ 11), альманаху «Первое апреля» (§ 12), показывают, что Некрасов для него преимущественно издатель, но не писатель или поэт, хотя к концу жизни Плетнев подходит к признанию в нем таланта (§ 14). К концу 1840-х гг. Некрасов представляет для Плетнева фигуру достаточно заметную и сильную, чтобы фактически возглавить журнал «Современник», сотрудничество с которым у Плетнева не прекратилось с передачей журнала Некрасову и Панаеву и продолжалось вплоть до 1862 г. (§ 13). Признание поэта совершилось только по выходе сборника 1856 г. и с определенной оглядкой на инакость поэтического языка Некрасова по отношению к привычным для Плетнева представлениям.

Глава VI «Фельетонная критика коммерческих изданий», состоящая из трех разделов («Актуальные аспекты проблемы», «О. И. Сенковский. “Библиотека для чтения”, «Ф. В. Булгарин. “Северная пчела”»), посвящена отношениям Некрасова с коммерческой литературой и отзывам о нем в «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле».

Необходимость обращения к этой теме диктуется признаниями Некрасова в том, что он много писал «из хлеба» (*ЛСС*, XIII, 60), и в его рано сложившейся репутации «литературного промышленника» и «литературного кулака», препятствующей непредвзятому восприятию его поэзии.

Раздел I «Актуальные аспекты проблемы» подразделяется на четыре параграфа. Используемый в ней эмпирический материал обладает особой спецификой (§ 1). Многочисленные упоминания имени Некрасова в этих изданиях зачастую не содержали аргументированных суждений о художественных достоинствах его текстов, но формировали *литературную репутацию* Некрасова. При этом широкая масса читателей, литераторы, а впоследствии библиографы и историки литературы относили этот историко-литературный материал к области *литературной критики*, хотя и с оговорками о ее публицистическом, идейно-

политическом или коммерческом, развлекательном характере. Следовательно, это пограничное явление нуждается в анализе его отношения к области литературной критики.

В § 2 «К вопросу о репутации Некрасова — поэта и “литературного промышленника”» излагаются известные факты и суждения, показывающие, как репутация «торгаша» и «литературного кулака», сложившаяся уже в 1840-е гг., влияла на целостное восприятие личности и, тем более, поэта и его поэзии. Понятия «практик», «торгаш», «промышленник» выступают как антонимы понятия «поэт».

В § 3 обоснована актуальность обращения исследователя к анализу приемов, которые использовали и Некрасов, и его оппоненты, — рекламе, антирекламе и авторекламе. Во-первых, количество и характер рекламы и антирекламы — показатель, который проясняет отношения между репутацией Некрасова и оценкой его художественного творчества. Во-вторых, эти отзывы и упоминания о Некрасове дают наглядное представление о характере аргументации их авторов, т. е., о том, что воспринималось как критика. Отметим, что авторецензии Некрасова, содержащие авторекламу, содержат суждения, которые оказались востребованными наукой о литературе в изучении становления «натуральной школы» и русского реализма. В-третьих, анализ историко-литературного и журнального контекста, смысловых и стилистических особенностей текстов рекламного характера также уточняет представление о процессе формирования литературной критики, подразумевавшей принципиально иные задачи, чем борьба с конкурентами на журнальном рынке и возможное публичное сведение личных счетов, и адресованной иногда подготовленному, а иногда сознательно дезориентированному читателю.

Основное внимание уделяется специфике фельетонной критики (§ 4).

Раздел 2 посвящен О. И. Сенковскому и его журналу «Библиотека для чтения». Доказывается, что фрагмент фельетона Сенковского «Литературная летопись (New Year night's dream). Трагедия-водевиль в одном действии» является отчасти рецензией, отчасти анонсом некрасовского издания «Статьки в стихах, без картинок».

Отрицательная рецензия с «литературным похищением» (перепечаткой фрагментов из «Статеек...» в «Библиотеке для чтения») является *антирекламой* по отношению к Некрасову: заинтересовавшийся читатель сможет в журнале перечитать фрагменты из его фельетона и познакомиться с «критикой», следовательно, не покупать «Статьки в стихах». В то же

время это *автореклама* Сенковского. Антиреклама и «похищение» в косвенной форме информируют о споре на книжку Некрасова, т. е., о ее читательском успехе.

Высказывания Сенковского лишь имеют форму критического высказывания: допуская расширение текста (острот, сближений, ассоциативных связей и переходов), они не подразумевают развития критической мысли ни самостоятельно, ни в диалоге с оппонентами. Остроумие Сенковского самодостаточно, и его суждения несостоятельны как литературная критика.

Другой анализируемый эпизод связан с рецензией Сенковского на философическую сказку «Жизнь и люди», вошедшую во 2-й том «Статеек в стихах» и написанную В. Р. Зотовым при участии Некрасова. В рецензии Сенковский поясняет широкому читателю «закулисную» часть взаимоотношений Некрасова и Кони. Это — ход против издания-конкурента, аналогично выпадку Межевича, раскрывшего псевдоним Некрасова «Перепельский». Однако, помимо «политического» и чисто публицистического звучания, оба выступления имели литературное значение.

Литератор, его репутация и судьба все очевиднее обретали значение эстетического объекта, предмета литературного повествования и театрального представления. В критике такое решение могло восприниматься как эстетическая подмена, суррогат искусства, недостойное внимание к «дрязгам», «быту», мелкому самолюбию, а автореклама — практически как продажа себя. Подобное отношение было у П. А. Плетнева. Но с точки зрения перспективы формирования жанров и родов литературы очевидна закономерность усиления личного начала на публичном пространстве. Узнаваемая личность и элемент достоверности были востребованы жанрами фельетона, пародии и карикатуры, популярностью памфлетного, публицистического начала в прозе, поэзии, изобразительном и театральном искусстве и критике этих лет.

Роль и место Некрасова в литературном процессе ассоциируются у его современников с его различными ипостасями (автор стихотворных и прозаических произведений, водевилей, обзоров и критико-публицистических статей, прототип персонажей собственных и чужих произведений, публичный человек, прибегающий к авторекламе). Эта множественность ролей создаёт скорей дробность образа, нежели его целостность, и скорей ассоциируется с понятием «журналист», нежели «художник». Поэтому в критических суждениях о Некрасове отношение критиков к «направлению» и к репутации выражается более явственно, нежели к

творческой индивидуальности. Поэтому к середине—концу 1840-х гг. почти сложившийся «поэт Некрасов» воспринимается менее крупным, чем «издатель и журналист Некрасов».

Раздел 3 посвящен Ф. В. Булгарину и «Северной пчеле», ежедневной «газете политической и литературной», самому читаемому изданию в России и самому активному оппоненту «натуральной школы» и Некрасова.

Традиционно их полемика рассматривалась в идеологическом аспекте, в плоскости социальной публицистики. Анализ критических отзывов Булгарина сводится к тематическому диапазону и оценке его ретроградности. Констатация коммерческого интереса также уходит в сторону морально-этических оценок. Такое освещение оправданно, но недостаточно, тем более что анализ статьи Некрасова о Булгарине показывает, что его критика носила преимущественно литературный, а не публицистический характер.

Поэтому актуален анализ метода Булгарина-критика в его отношении к формированию русской критики — одной из задач, которую ставил перед собой Некрасов в творческой и издательской деятельности.

В § 1 рассматривается одна из характерных особенностей метода Булгарина-критика: «фоновая» критика, т. е., частотные негативные суждения и точечные упоминания имени Некрасова и (или) «натуральной школы» (а также имени Белинского), поддерживающие в читателе некие ассоциативные связи, смысловые акценты и создававшие впечатление непрерывности.

Обзор научной литературы, посвященной Булгарину, выявляет соображения нескольких исследователей (А. И. Рейтблат, В. П. Мещеряков, Н. Л. Вершинина, А. Г. Алтунян), позволяющие применить их в анализе стиля Булгарина-критика (§ 2). Булгарин занимал позицию политического писателя (А. Г. Алтунян), склонного к морализаторской риторике и заданности ценностных установок, о которых он пишет (Н. Л. Вершинина).

Анализ отзывов Булгарина о журнале «Современник» (§ 3) выявляет в его методе широкое использование приемов антирекламы, манипулирующей ценностными представлениями публики. «Фоновые» упоминания вводятся в текст как устойчивая уничижительная оценка Некрасова и создают «общее мнение», как объяснял Булгарин в докладной записке в III Отделение.

Но этот ход более дальновиден, чем просто создание *общего мнения* о предмете (произведениях и изданиях «натуральной школы» и конкретно Некрасова). Для представления о

задачах и методе критики Булгарина проанализированы употребления им слов «памфлет», «пасквиль» и «карикатура» в свете становления этих жанров и терминов, обозначающих жанр (§ 4). Манипуляция понятиями основана на договоренности между «нашими», т. е., на личном начале, и на априорной правоте «наших». Апелляция к идеологии как основному ориентиру побуждает читателя игнорировать жанровую форму, что ведет к невосприимчивости художественной формы вообще.

С точки зрения умственного и эстетического развития общества, формирование терминологического аппарата подразумевало и развитие института литературной критики, и бóльшую подготовленность читателей к восприятию текстов с их жанровой спецификой. С точки зрения общественного развития, уяснение задач, границ и методов публицистического жанра помогло бы читателю отличать аргументы от манипуляций и демагогии.

Такие задачи ставила перед собой критика «натуральной школы». В этом отношении Белинский и Некрасов виделись Булгарину «противниками» не только в силу литературной и коммерческой конкуренции: они являлись его серьезными противниками в сфере *управления* «общим мнением».

Критическая оценка Булгариным «натуральной школы» и косвенно Некрасова содержится в его отзывах о карикатуре (§ 5) — о произведениях этого жанра и о самом жанре. Объем понятия «карикатура» в 1840-е гг. еще не устоялся, но карикатура как художественный прием широко востребована и литературой, и театром, и изобразительным искусством до 1848 г., когда она попадает под запрет. В контексте высказываний Булгарина «карикатурное» (следовательно — «натуральная школа» и Некрасов, ассоциативно прочно связанный с «натуральной школой») — сближается с понятием пасквиля.

Анализ употребления «Северной пчелой» слов «натуральная школа», «натура» и «натуральность» (§ 6) в аспекте формирования объема понятий выявляет способность Булгарина заострить противоречия и неясности новых тенденций в искусстве. Прием игры на противоречиях затруднял рядового читателя, но одновременно указывал профессиональному критику наиболее актуальные задачи. Творчество Некрасова (не только его общая литературная деятельность), получающее стабильно сниженную оценку, служит импульсом к постановке вопроса: для Булгарина — в форме компрометации и отрицания, для его оппонентов — в осмыслении важнейших эстетических категорий, явлений текущего литературного процесса и, в частности, творчества крупного национального поэта, чей голос уже определился.

Заключение. В заключении обобщаются выводы, к которым подводят разные аспекты исследования. Критические суждения о поэте, нежелательные из-за цензурных условий и соображений журнальной этики, осложнялись спецификой его восприятия: многогранностью и дробностью его авторского образа, доминирующей ролью издателя в литературной репутации, антагонистическими отношениями между репутациями *поэта* и *журналиста*.

Следование формирующегося поэта-новатора принципу «каждый должен вырабатываться сам» давало критике повод говорить о его подражательности или, напротив, пренебрежении традицией. «Сущность натуры» Некрасова была «раскрыта» ему Белинским, и в устной оценке литературных кругов к концу 1840-х гг. поэтический талант Некрасова получил признание. Но в печатной критике главенствовало мнение о нем как об авторе стихов определенного «направления», не обладающем «художническим талантом», «обыкновенном таланте» или даже «посредственности». Основная полемика ведущих критиков велась вокруг тезиса о пользе или вреде подобной «литературной продукции» «посредственностей», тогда как отношение стихов «поэта истинного» Некрасова к поэзии в печати 1840-х гг. была только намечена, но не Белинским, а молодыми Ап. Григорьевым и В. Р. Зотовым.

Публикации в изданиях, реферируемых ВАК РФ:

1. *Степина М. Ю.* Н. В. Савельев-Ростиславич — один из первых рецензентов Н. А. Некрасова // «Известия СПбГПУ им. А. И. Герцена». Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 38 (82). 326—330.
2. *Степина М. Ю.* Непротиворечивый облик: рецензия на книгу М. С. Макеева // Русская литература. СПб., 2010. № 1. С. 248—251.
3. *Степина М. Ю.* Материалы, связанные с Н. А. Некрасовым // Материалы из собрания П. Я. Дашкова в Пушкинском Доме. Русская литература. СПб., 2011. № 1. С. 70—74.
4. *Степина М. Ю.* XXXV Некрасовская конференция: Хроника // Русская литература. СПб., 2011. № 3. С. 231—237.
5. *Степина М. Ю.* К истории одного литературного конфликта (Белинский и «Современник» 1847 г.) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 3. М., 2011. С. 45—62.

6. *Степина М. Ю.* К истории одного литературного конфликта (Белинский и «Современник» 1847 г.). Статья 2. «Фраза»: жизнь и воспоминания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1. М., 2012. С. 133—145.

7. *Степина М. Ю.* К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове // Русская литература. 2012. № 3. С. 120—129.

8. *Степина М. Ю.* Вторые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме: Хроника // Русская литература. 2012. № 2. С. 239—245.

9. *Софийская М. Ю.* Круглый стол «Поэт Николай Некрасов: поэтика и миропонимание» (к 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова): СПб., Пушкинский Дом — Москва, МГУ: Хроника // Русская литература. 2012. № 2. С. 255—256.

10. *Степина М. Ю.* XXXVI Некрасовская конференция: Хроника // Русская литература. 2013. № 3. С. 243—247.

Другие публикации:

11. 1847 г.: Составительская работа, комментарии // Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В трех томах. 1821—1877. Том первый. 1821—1855. СПб., 2006. С. 244—297, 523—525.

12. 1873—1875 гг.: Составительская работа, комментарии; 1876—1877 гг.: Составительская работа, комментарии: В соавторстве с Н. Н. Мостовской // Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В трех томах. 1821—1877. Том третий. 1866—1877. СПб., 2009.

13. *Степина М. Ю.* Первые рецензенты Некрасова (К вопросу об одной публикации) // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Тезисы докладов. Ярославль, 1999. С. 16—17.

14. *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и Н. А. Полевой. К истории взаимоотношений // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 62—71.

15. *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и «Библиотека для чтения» Сенковского // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 93—94.

16. *Степина М. Ю.* О топонимике петербургского текста Некрасова («Еду ли ночью по улице темной...» и «Я посетил твою кладбище») // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2007. С. 111—121.

17. *Степина М. Ю.* Тургеневский отзыв о Некрасове и проблема биографии поэта // Спасский вестник. Тула, 2007. Вып. 14. С. 187—200.
18. *Степина М. Ю.* Мотив мучительства в воспоминаниях о Некрасове // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2008. С. 138—145.
19. *Степина М. Ю.* Некрасов в русской критике 1870-х: К вопросу о злободневности // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 92—99.
20. *Степина М. Ю.* Стихотворение «Памяти <Асенков>ой и образ актрисы в контексте «поминальной» лирики Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., СПб., 2011. С. 73—84.
21. *Степина М. Ю.* Два поэтических поминовения петербургских актрис (Н. А. Некрасов и А. А. Блок) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 75—89.
22. *Степина М. Ю.* Pamфлет // Литературоведческие термины: Материалы к словарю: Вып. III: Интерпретация. Коломна, 2011. С. 81—85.
23. *Степина М. Ю.* Два сюжета из раннего Некрасова («Юность Ломоносова» в контексте творчества; о прототипе учителя латыни) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 76—84.
24. *Степина М. Ю.* Литературная деятельность Некрасова в оценках П. А. Плетнева // Некрасовский сборник. Вып. XV. (В производстве)
25. *Степина М. Ю.* Формирование объема понятия «кариатура» в русской критике 1840—1850-х гг.: На материале печатных высказываний о Н. А. Некрасове // Русский язык XIX в.: роль личности в языковом процессе: Тезисы научной конференции. СПб., 2012. С. 193—199.
26. *Степина М. Ю.* Образ В. Н. Асенковой в творчестве современников // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2013. С. 55—71.
27. *Степина М. Ю.* «Записки охотника» И. С. Тургенева и лирика Н. А. Некрасова в критических суждениях С. С. Дудышкина // Спасский вестник. Тула, 2013. Вып. 20. С. 123—133.
28. *Степина М. Ю.* Поэтическая формула «любить и ненавидеть» у Некрасова // «Карабиха»: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2013. Вып. VIII. (В печати).

Подписано в печать 02.12.13 Формат 60x84¹/₁₆ Цифровая Печ. л. 1.3
Тираж 100 Заказ 01/12 печать

Типография «Фалкон Принт»
(197101, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 54, офис 2)